
В. ЧАЛМАЕВ

ПРОБЛЕМА ХАРАКТЕРА В ОЧЕРКАХ В. ТЕНДРЯКОВА

Имя бывшего фронтовика-комсомольца Владимира Тендрякова впервые стало известным по очеркам, печатавшимся в 1950—1952 годах на страницах журнала «Огонек». Писатель был корреспондентом журнала, и именно в это время один за другим появились его очерки и рассказы: «В гору» (1950), «На рыбацком сейнере» (1952), «Соседи» (1952), «Школьный инспектор» (1952) и др. Но по этим произведениям еще очень трудно было предугадать будущего писателя, главный пафос его творчества. И дело, пожалуй, не в одном тематическом «разнобое» этих очерков: тут были и результаты поездок к рыбакам Севера, и описание жизненного пути старого педагога, и воспоминания о войне («Винтовка старшины Соловьева»). Читая эти произведения, видишь, как горячее стремление писателя быть на «быстрине» жизни, а не сбоку ее, сказавшееся уже и тогда, еще не находило своей, установившейся, полноценной формы. Писатель, поражающий сейчас именно умением проследить сложный психологический конфликт героев, «размотать» порой очень «тугой узел» людских взаимоотношений, тогда еще брал типическое не в его рождении, развитии, а скорее в его результате, итоге. Не аналитическое, а информационное изложение материала было главным в этих очерках.

Конечно, были и экскурсы в прошлое героев, как в очерке о знатном колхознике М. О. Посмитном («Соседи»), и развернутые предыстории, как, например, описание прошлого запустения ныне процветающего колхоза («В гору»). Но подлинного «движения», перспективы, прежде всего человеческих характеров, еще не было. Публицист Тендряков еще намного опережал Тендрякова-художника.

Не явилась общественным и художественным открытием и первая повесть писателя «Среди лесов» (1953). Рядом с граждански смелыми обобщениями бюрократизма в образе секретаря райкома Панкратова в ней было и много такого, что отражало зависимость молодого писателя от примелькавшихся художественных канонов. Не нова была уже бытовавшая в литературе тема — подъем отставшего колхоза демобилизованным офицером, традиционным был и «объект» для показа успехов — строительство межколхозной электростанции, знаком был круг действующих лиц — секретарь райкома, председатель передового колхоза, председатель отсталого колхоза, демобилизованные офицеры и солдаты.

Но вот в конце 1953 года в журнале «Новый мир» появляется очерк «Падение Ивана Чупрова», в 1954 году в том же журнале — очерк «Ненастье» и в «Огоньке» — очерк «Под лежач камень...», а в январе 1955 года в журнале «Партийная жизнь» — очерк «Тяжелый характер». Стало очевидным, что в литературу пришел писатель со своей темой, своим зорким взглядом на окружающее, характерным творческим почерком.

Особенности этого почерка ясно определились в очерках «Падение Ивана Чупрова» и «Ненастье». Именно эти очерки (о колхозной деревне) выдвинули В. Тендрякова на «передний край» очерковой литературы, поставили его произведения рядом с очерками В. Овечкина, Г. Троепольского, А. Калинина и др. В то же время они явились и своеобразной разведкой художественных средств для будущих крупных повествовательных произведений самого писателя. С этих двух точек зрения мы и постараемся рассмотреть эти очерки.

В повести С. Антонова «Дело было в Пенькове» («Октябрь», 1956 г., № 6) упоминается, что председатель его Иван Саввич обменял бочку лигроина на водку... Что говорить — нехорошо, негосударственно поступил Иван Саввич. Но писателя это так напугало, что он сразу поспешил «спасти» героя. С помощью молодого агронома Тони Иван Саввич с завидной быстротой «перековыывается», избавляется от всех мелкособственнических страстишек... В конце повести он сам с улыбкой вспоминает о своем прошлом «падении». Нестрашный, единичный проступок, легкое исправление. И невольно вспоминается другой Иван, всерьез, трагически запутавшийся в подобных операциях, Иван Маркелович Чупров.

Боязнь сложных поворотов жизни, ее тернистых путей привела к тому, что одно из основных качеств советской литературы — ее оптимизм — стало зачастую конкретизироваться в упрощенном, примитивном штампе, в виде обязательных «счастливых концовок». В. Тендряков своим очерком в из-

вестном смысле «полемизирует» с малодушным, облегченным подходом к отрицательному в жизни. Нет, герои, подобные Ивану Чупрову, так легко не исправляются, и высший оптимизм будет не в искусственном, скоропалительном исправлении, а в крушении, в трагическом одиночестве их в атмосфере нашей действительности.

Но и этим не исчерпывается новаторская сущность созданного молодым писателем образа. Как всякий выхваченный из жизни полнокровный образ, он многогранен и разрушает устои ряда схематических произведений, главная слабость которых, говоря словами В. Г. Белинского, в том, что «они слепились через соображение»¹. И чтобы ясней увидеть оригинальный художественный рисунок Тендрякова, следует указать еще на один образ, являющийся в некотором роде «предшественником» Чупрова, образ Силы Силыча Тихого из популярной в свое время пьесы Н. Вирты «Хлеб наш насущный» (1947).

Внешние черты чупровского типа — сильного, кряжистого мужика, человека «с размахом», «с широтой души», имеющего, как говорят, «нюх» на нужного человека, ловко обходящего законы, — кто не встречал их в жизни и раньше!

Он умеет привлечь к себе внимание энергией, «демократичностью», он так не любит «казенной обстановки» для обдывания своих делишек — не удобнее ли сговориться с необходимым человеком в ресторане? Не любит он и «бумажной волокиты» — безналичных расчетов.

И внешние приметы поведения этого типа людей промелькнули у Н. Вирты в образе хитроватого Силы Тихого. Та же «хозяйская» хватка, видимое выгораживание «своего» колхоза, тонкое лавирование между фактическим преступлением и формально не наказуемыми поступками (так, Тихой скрыл часть урожая от госпоставок, чтобы затем продать его на рынке). И конец Тихого в пьесе Н. Вирты реалистичен для того периода, когда писалась пьеса: не исправляется, «падает» Сила Силыч.

Но сравнивая сейчас этот образ с Чупровым, видишь, насколько глубже и зорче рассмотрел этот тип В. Тендряков. Образ колхозного стяжателя, единоличного воротилы изображен так, что мы можем говорить о «чупровщине», как общественном явлении. «Падение» его стало более поучительным. В чем тут разница? Дело в том, что Н. Вирта не показал внутреннего существа этого явления, ограничился тем, что

---

¹ В. Г. Белинский. О драме и театре. «Искусство», М., 1948, стр. 98.

Щедрин называл «наружным комизмом»², одними внешними приметам жадности, вороватости.

Драматург слишком оглушил своего героя, сделал его коварным, но неумным, прямолинейным «злодеем». «Пока на Казбек поднялся, а в мечтаниях Гималаи держу»³, — самодовольно заявляет Тихой уже в первом акте. А сотрудника районной газеты, грозящего ему разоблачением, он прямо дразнит: «Вы бы уж напечатали весь уголовный кодекс, а внизу приписали: «биография Тихого! Ахх-ха!»⁴. И в дальнейшем он слишком явно держится своего ампула самодовольного жулика, и весь интерес зрителя сосредоточен не на узнавании характера Тихого (он с самого начала ясен и неизменен), а на том, сколько он еще продержится до формального разоблачения. И поэтому, когда Тихой «падает», мы видим, что падает он только как должностное лицо с председательского кресла. Когда же «падает» Чупров, то мы видим общественное и моральное падение человека, куда более страшное, чем официальное «снятие» или понижение.

Иван Маркелович Чупров — председатель зажиточного колхоза «Красная заря», талантливый, дальновидный хозяин. Много его труда вложено в этот колхоз. Радостное ощущение своей силы, удачливости будоражит, пьянит голову мужика, хмелем славы обволакивает сознание. И как-то забывает он, что во всех успехах колхоза есть большая доля усилий и парторга Никиты Кузьмича Бессонова, что достигнуты они в конце концов трудом рядовых колхозников... Незаметно выросло в нем горделивое самомнение, приписывание всего сделанного только себе.

«— Прибавилось в нем этакое «я решу» да «я сделаю». «Колхоз — это я!» — с тревогой говорит Бессонов, ставший председателем соседнего колхоза.

— Что ж, за пятнадцать лет колхозники к нему привыкли, он — к колхозникам. Трудно отделить колхоз от себя, — отвечает ему молодой парторг Алексей Быков.

— Вот, вот... Сперва трудно отделить себя от колхоза, потом — свое от колхозного»⁵.

Да, Чупров уже сейчас, гордый своим особым положением в колхозе, делается неразборчивым, и не отделяет своего от колхозного: он считает возможным зарезать гуся с пти-

---

² М. Е. Салтыков-Щедрин. О литературе и искусстве. «Искусство», М., 1953, стр. 426.

³ Советская драматургия, т. 8. «Искусство», М., 1948, стр. 161.

⁴ Там же, стр. 163.

⁵ В. Гендряков. Падение Ивана Чупрова. Сб. «Среди лесов». «Советский писатель», М., 1954, стр. 201 (в дальнейшем все цитаты из очерков В. Гендрякова даны по этой книге).

цефермы для угощения делового «гостя». «Мне друг, то и колхозу моему друг»⁶, — говорит председатель, незаметно смешая понятия, ставя личное выше общественного. Недавно еще он не сказал бы так. Наоборот, поднимая колхоз, он не стеснялся терять личных друзей, противившихся выгоде колхоза. Тогда им руководил другой закон — «колхозу друг, значит, и мне друг...».

Это сползание Чупрова к беспринципному кумовству, предпочтение лично-приятельских «связей» общественным еще очень незаметно. Наоборот, временами он обнаруживает и способность по-государственному широко оценивать и беречь колхозную копейку. Так, встретив директора райпромкомбината, снабжающего колхозы стройматериалами, он прямо ему говорит: «На одну перевозку я около десяти тысяч угрохал. Был бы у тебя кирпичный завод, эти десять тысяч в нашей кассе лежали целехонькими. Украл ты их из моего кармана»⁷. Упрек справедливый, и под ним подпишется самый принципиальный председатель. Но как характерны для облика нашего героя эти постоянные «неразличения» своего и общего. «Я угрохал», — говорит он вначале, но затем, словно вспомнив, что деньги-то не его собственность, поправляется — «в нашей кассе». Но затем снова общественная касса превращается в «мой карман». Очень тонко и умело оттеняет автор эту сторону противоречивого характера Чупрова, который в своей деятельности по добыванию строительных материалов, помимо государственных складов, вольно или невольно возрождает исчезнувшие мелкособственнические, торгашеские обычаи.

Может быть, действительно, порой недостает этих материалов для всех колхозов, и очерк поднимает и экономическую проблему улучшения снабжения колхозов. Но, на наш взгляд, принижающими очерк выглядят оценки его как своеобразного художественного решения только проблемы снабжения колхозов стройматериалами. «Сгубил его (Чупрова. — В. Ч.) размах его творческих замыслов, для осуществления которых равнодушные руководители районных организаций не смогли предоставить материальных возможностей»⁸, — писал один из первых критиков очерка В. Дудинцев. Что же, выходит, что если бы с самого начала дать Чупрову вволю кровельного железа, стекла, труб, то, вероятно, и не было бы «падения»? Не было бы глубоко психологического конфликта героя с нормами нашей жизни, с его партийной совестью?

---

⁶ В. Тендряков. Среди лесов, стр. 216.

⁷ Там же, стр. 205.

⁸ В. Дудинцев. Голос жизни. «Известия» от 20 апреля 1954 г.

По В. Дудинцеву получается примерно так: изобилие стройматериалов избавило бы Чупрова от необходимости пускаться в темные махинации. Но, на наш взгляд, критик видит причину в следствии. Да, такие, как председатель «Красной зари», и создавали трудности снабжения. В. Дудинцев не замечает, как автор опровергает его тезис. Узнал однажды Чупров о том, что прибыл на склад сельхозснабжения вагон железа, и всеми правдами и неправдами постарался «угащить» эти материалы в свой колхоз. И автор в несобственно-прямой речи показывает корыстное, собственническое нутро героя: «Ему... не так нужно это железо, но запас карман не рвет, шею не трет, положим — все сгодится... Не плохо бы и свой дом под железо. Все одно крышу заново перекрывать. Совсем не плохо»⁹. И сами обороты речи, в которые оформляется мысль героя, типично торгашеские, купеческие — «карман не рвет, шею не трет». И как ловкач-деляга, а не как честный коммунист, смотрит он на Никиту Бессонова, который, узнав о покупке Чупрова и действительно нуждаясь в железе, побежал тоже на склад: «...улабясь, глядел ему вслед. «Удачливее меня вряд ли будешь»¹⁰. Так выглядит существо авторского замысла, если вдуматься глубже.

Критик на слово верит герою, который говорит, что он добывает не «для себя», а «для колхоза». И он не замечает, с какой тревогой смотрят колхозники на это «старанье» председателя. Вот на одном из заседаний правления ему бросают насмешливую реплику:

«Не сплю, стараюсь»... Лишка стараешься, Маркелыч! Так стараешься, что редко трезвым увидишь нынче!»¹¹. Казалось бы, чего беспокоиться людям, если бы герой усердствовал только для колхоза. Нет, они видят в его усердии «излишек» удовольствия, которое испытывает Чупров в процессе этих сделок. Ему нравится сама атмосфера бесконтрольного, не «стесненного» высокой моралью, законностью, добывания — «ты мне, я тебе», постоянные выпивки «за знакомство», «за успех» и т. д. Здесь он в своей стихии. И то, что Чупров «попался» именно на спекуляциях с железом и кирпичом, вовсе не означает, что если бы этих материалов был бы избыток, «падения» не произошло. Так, Бакланов в своей повести «В Снегирях» выводит образ председателя Денисова, в деятельности которого проявились некоторые черты тендряковского героя. Председатель слабого колхоза просит у Денисова элитных семян: «И... Денисову пришла в голову веселая

⁹ В. Тендряков. Среди лесов, стр. 203.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же, стр. 212.

мысль: черт с ним, дам ему какие есть (несортowych в колхозе вообще не было)... Еще и благодарить будет. Денисов не думал вначале обманывать: ему ли мелочиться!

Но он глянул на неказистую фигуру Раздобреева (председатель отстающего колхоза.— В. Ч.) и вдруг убедился... такому, что элита, что эти — все едино...»¹². «Падение» Денисова начинается с совершения этого поступка. И сколько еще может найти падений подобный противоречивый характер!

Но ошибка В. Дудинцева, сводящего всю идею очерка к решению проблемы снабжения, вызвана и общей нерешенностью в критике вопроса о соотношении в очерке проблем и характеров.

Чем живет очерк — решаемыми проблемами или изображаемыми характерами? Вопрос этот неоднократно поднимался и в спорах о праве очерка считаться «большой» литературой, и в ходе совещания литераторов, пишущих на колхозную тему (ноябрь 1955 г.). К сожалению, даже среди очеркистов проявляется еще «стеснительность» в оценке своего жанра. Так, намечая два полюса в современной литературе о колхозной деревне, С. Залыгин ставит на один полюс Г. Николаеву («Николаева рассказывает нам о душевном состоянии людей, часто пренебрегая при этом конкретностью... проблем и задач»)¹³, на другой помещает В. Овечкина («Овечкин решает проблемы, не всегда заботясь о душевной деятельности своих героев»)¹⁴.

С. Залыгин словно забывает, что В. Овечкину-очеркисту принадлежит заслуга создания обобщающих образов Борзова и Мартынова, чья психологическая характеристика отнюдь не уступает, а превосходит легковесную психологию некоторых героинь Г. Николаевой, не говоря уже об общественно-политической значимости очерка. Отрицательное отношение Залыгина к очерку видно и из его утверждения, что удача образов «Районных будней» — в перерастании малого жанра в особого рода психологическую повесть. Вышло так, что удача приходила к очеркисту там, где он переставал быть очеркистом.

Нетрудно видеть, что все это приводило к ненужному «отмежеванию» очерка от рассказа, повести. Критики словно бы исходили из устаревшего определения очерка, данного

---

¹² Г. Бакланов. В Снегирах. «Советский писатель», М., 1955, стр. 71—72.

¹³ Цит. по ст. Г. Николаевой «За один год». «Знамя», 1956, № 5, стр. 152.

¹⁴ Там же.

ещё в «Толковом словаре» В. Даля: «Очерчивать, значит обозначать чертами, обводить. Очерк — рисунок без теней. Письменное и краткое описание чего-либо в кратких чертах»¹⁵. Да, современный очерк сравнялся с рассказом и повестью не только размерами. На острейшем проблемном узле, экономической или общественной коллизии вырастают характеры-проблемы. Отсюда идет вся страстность, накал борьбы Мартынова с методами работы Борзова — немалый государственный вред видит он в «борзовщине».

И сила «Районных будней» и «Трудной весны» не в отходе от «очеркизма», а, наоборот, в наиболее полном использовании возможностей этого жанра.

В очерках В. Тендрякова эти психологические «тени», пожалуй, особенно «удлинены». Проблемный узел настолько конкретизирован в психологии героев, что и сам конфликт становится столкновением не взглядов, а характеров. Но, в отличие от В. Овечкина, В. Тендряков в противовес отрицательному герою не рисует тут же и положительного героя. И в «Падении Ивана Чупрова», и в «Ненастье» во весь рост встают именно деятели, отрицаемые писателем. Своего Мартынова В. Тендряков не выдвигает. Но кто же их противник? Противником писатель выдвигает всю советскую действительность, которой они приходится «не ко двору». Отсюда и другая особенность творчества В. Тендрякова: если у В. Овечкина отрицательный и положительный герои скрещивают оружие всенародно, выявляют себя в длинейших диалогах, речах, то у В. Тендрякова вся эта борьба переносится внутрь души отрицательного героя, редко раскрывается в спорах. Но, в отличие от Г. Троепольского, тоже часто рисующего одних отрицательных героев, В. Тендряков почти не прибегает к юмору и сатире. Судьбы его героев скорее драматичны, чем комичны.

«...вот и заметили люди колхоза странность, несовместимость с законом некоторых безналичных покупок Чупрова.

— А если ворованное покупаешь? — спросил его парторг Алексей Быков.

— Мне отчета не дают. А я знать не хочу. Благо сам чист перед колхозом и в колхозе никто не ворует...

— Ты член партии! — с неожиданной для него резкостью проговорил Алексей. — Партийной совести у тебя нет!»¹⁶.

Так намечается конфликт Чупрова с честным, партийным отношением к жизни. Он, конечно, понимал и раньше то, что

---

¹⁵ В. Даль. Толковый словарь, т. 2. М., 1955, стр. 777.

¹⁶ В. Тендряков. Среди лесов, стр. 211.

Быков назвал только сейчас. Не безгрешным путем попадало к нему это стекло и железо. И вот это сказано вслух, Чупрову нужно выбирать: или продолжать этот путь или признаться, измениться.

В иных очерках едва только намечался конфликт передового и старого, как по сути дела намечалось и решение. И как справедливо заметил в свое время А. Чаковский, в ситуации, подобной первому столкновению Чупрова и Быкова, кое-кто не удержался бы от прямолинейного, облегченного решения: «Собрал бы парторганизацию. Потом правление колхоза. Прочитировал бы десяток правильных речей, которые за него и его героев мог бы с успехом произнести и сам читатель. Председатель бы покаяться и пошел работать бригадиром или рядовым колхозником»¹⁷.

В. Тендряков показал своего героя психологически ярче, разностороннее. Партийной совести Чупрова еще достает на то, чтобы признать правоту Быкова: покупал ворованное, не одна растрата скрыта в бумагах тишайшего бухгалтера Никодима. Но слишком уж привык он к своему первенству в колхозе, к положению выше критики, безотчетному владычеству, и эта привычка заслоняет от него правду. Вот-вот, кажется, победит справедливое начало в Чупрове. И кто знает, будь на месте Быкова старый, чуткий друг Бессонов... «Чупрову стало душно. Он поднялся, оделся и вышел на улицу. Кончался короткий зимний день. Жиденькие сумерки уже робко затягивали дорогу. Снег казался серым. И ни одной души, пусто, словно вымерло»¹⁸ — в этом пейзаже каждая деталь как бы дополняет тяжелые раздумья героя. «Пусто, словно вымерло», пепельно-серо и в душе Чупрова. Гаснет там все честное, хорошее; «жиденькие сумерки» мелкого самлюбия затягивают перед ним дорогу к правильному решению. Молод Быков — не перед ним же «виниться» ему, Чупрову? Да и очень привык он к полной власти в колхозе. На компромисс с совестью идет он. Даже больше — уже рождается мысль о том, как бы унижить, сокрушить молоденького парторга, чью правоту он признает в глубине сознания...

«И ни одной души» вокруг — одинок Чупров, замкнулся в себе и ни с кем не будет он отныне так весело откровенен, как прежде. Сузится и его взгляд на мир — на личных своих делах сосредоточится все его внимание. «Падение» Чупрова идет постепенно, не сразу. В этой сцене как бы первый этап

---

¹⁷ А. Чаковский. Суровая правда. «Литературная газета» от 24 ноября 1953 г.

¹⁸ В. Тендряков. Среди лесов, стр. 214.

падения — сделка с партийной совестью, отрыв от народа. И, конечно, не случайно, что как раз в это время председатель, никогда прежде не бывавший у тихонького, далекого от всех колхозных дел бухгалтера, заходит именно к нему.

В очерке уже складываются характерные черты психологизма Тендрякова, его приемы раскрытия переживаний героя. Углубляя психологическую характеристику своего героя, автор сталкивает его с человеком, который не только наиболее соответствует его настроению, но который и в дальнейшем будет играть не маловажную роль в его судьбе. Так, юный Саша Комелев («Тугой узел») в тот момент, когда нужно было выбирать путь в жизни (после смерти отца, окончив школу), приходит к Игнату Гмызину, с которым связано все дальнейшее Саши. Так, Федор Соловейков («Не ко двору») в момент разрыва со Стешей, с Ряшкиными идет к председателю колхоза Варваре, а Чупров, замыкаясь от народа, выпивает первую рюмку с Никодимом. Этот человек сейчас ему ближе всего. Он-то не станет спрашивать — прав ли Чупров? А вопросы эти, — ох, как остры они для беспокойного сердца Чупрова! Сделка с собственной совестью станет затем сделкой с явными жуликами внутри колхоза (тогда же Чупров не скажет «в колхозе чисто, никто не ворует»), а выпитая у Никодима рюмка найдет свое продолжение в беспробудном пьянстве окончательно «павшего» Чупрова.

Конечно, этот прием вызывает в памяти столкновение Григория Мелехова («Тихий Дон») с его «временными спутниками» — большевиком Гаранжой, националистом Извариным, вспоминается и горьковское мастерство окружать героя, например, Клима Самгина, спутниками, отражающими в уменьшенном или увеличенном виде его поступки и мысли. Но само по себе введение этого приема, обычного для крупных произведений, для очерка ново, так как необыкновенно расширяет жанровую компетенцию очерка, углубляет психологическое раскрытие характеров героев.

«Откажись-ка от руководства. В ножки поклонятся, просить будут: «не покинь нас, Иван Маркелович»¹⁹, — советует бухгалтер. И странное дело, его мысль полностью совпадет с решением Чупрова. Ему только «неприятно», что Никодим может вообразить, что Чупров его умом стал жить.

Да, председатель рассчитал верно. Правда жизни побеждает не сразу, нередко положительное и отрицательное как бы меняются местами. И Чупров не только не допустил расправы над собой. Драматизм очерка необычайно возрастает, когда он сам обвиняет своих противников.

---

¹⁹ В. Тендряков. Среди лесов, стр. 216.

«Так вот, дорогие товарищи — колхозники,— сурово начал Чупров,— много раз обижали меня несознательные элементы. Но это было в начале, так сказать, нашей общей жизни. Уж я бы должен авторитет заработать. Ан нет. На днях были пушены грязные слухи. Повторять их здесь?.. Сами разносили, знаете... Скупаю ворованное, пьянствую...»²⁰.

Вот, вроде и «покаялся» председатель, но как отлично его покаяние от признаний многих отрицательных героев. Покаялся не для того, чтобы сдать свои позиции, отказаться от них, принять наказание, а, наоборот,— укрепить их...

Колхозники поддержали Чупрова. Коллектив ошибся, но винить его трудно. Слишком многим были обязаны ему люди, заслуги его были у всех перед глазами, заслоняли новый облик председателя. Нужно было время, чтобы можно было ясней увидеть совершившуюся в нем перемену. Сейчас же, когда появился противник Чупрова Алексей Быков, звучат крики:

« — Пусть покается перед Иваном Маркеловичем!

— Проси прощения!

— Иван-то Маркелович нам дороже тебя!...

— Председателя грязнишь!»²¹.

Такой острый оборот приняли события в очерке: начавшееся внутреннее «падение» героя и внешне очередной «взлет». И он оказался не виноватым, а носителем правильных взглядов.

Но «победа» Чупрова не могла быть прочной. Она только ускорила его разоблачение. Уверовав в крепость своей позиции в колхозе, считая людей колхоза чуть ли не своими «подданными», он уже без стеснения распоряжается общественными средствами, все больше запутываясь в незаконных сделках. И Никодим почувствовал, до какой степени разыгралась в председателе собственническая, купеческая стихия, «осмелел» и стал требовать «доли».

Услышь Чупров это требование раньше, не долго бы усидел Никодим на своей работе. Но сейчас... «Чупров вышел из-за стола, расставил толстые ноги в больших, крепких валенках. Его руки, перевитые набухшими жилами, грузно повисли вдоль тела. Казалось, поднимет руку, толкнет легионько, и сухонький Никодим Аксенович вылетит в дверь вместе со стулом. Но Чупров не поднял руки»²². Скрытая ирония автора видна в поведении героя. Автор словно говорит о герое: нет, не крепко, не прочно стоишь ты на земле, как бы ни рас-

---

²⁰ В. Гендряков. Среди лесов, стр. 217.

²¹ Там же, стр. 218.

²² Там же, стр. 228.

ставлял ноги; нет, ослабел ты уже, хотя и сильны еще твои руки. Это уже следующая ступень падения: от сделок со спекулянтами к воровству в собственном колхозе.

Тендряков рисует многосложный образ, а не одноцветного «отрицательного» героя. И не искусственным «поворотом» сюжета является возникшее у Чупрова честное желание рассказать о своем положении в райкоме. По мере падения героя росло и обратное стремление к лучшему в жизни, к прочному и правильному. Встретив на базаре Бессонова, он искренне завидует ему: «И там, видать, молоденькие-то липнут к Никите. Оброс дружками. А я, как старый пень, не дружками, а поганками оброс»²³.

Передача писателем чувств, владеющих героем в этот момент, поражает необычайной тонкостью и соразмерностью. Свойства характера Чупрова — и положительные, и отрицательные — переданы в своем естественном контакте, с мягкими переходами. Ясно звучат полутона.

Вот Чупров вспоминает дни своего величия: «Каким он был раньше! Ругали его, сплетни пускали, на собраниях кричали против — и ничего не пугало... Вся эта брань, что дорожная грязь на сапогах, пока свежа держится, подсохнет — сама отпадет, лучшие колхозники поддержат»²⁴. И Чупров подхлестывает лошадь.

«Не сгорая ли я?»²⁵ — возникают снова сомнения опустившегося, привыкшего к обману Чупрова. И гаснет хороший порыв, решимость рассказать все начистоту. И самого главного он не сказал секретарю. «Чупров говорил, хитро улыбался, а в душе с тоскливым холодом спрашивал себя: «Что я говорю? Что?.. Нужно было говорить, и Чупров, сам удивляясь зазвучавшей в его голосе неподдельной обиде, торпливо стал жаловаться: ...не ведется у нас никакой идеологической работы... Районные лекторы да докладчики мимо ездят»²⁶.

На этом отрывке следует остановиться особо. На первый взгляд покажется случайным, необдуманно говорить, что в голосе Чупрова вообще звучит «обида», да еще «неподдельная», удивляющая его самого, по поводу частного для него момента: «лекторы да докладчики мимо ездят». Важно ли это сейчас для него? Думается, что все это поддельное, лицемерное, как и весь облик этого Чупрова.

Но вспомним подобную психологическую ситуацию из но-

---

²³ В. Тендряков. Среди лесов, стр. 233.

²⁴ Там же, стр. 231.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же, стр. 234.

вых глав «Поднятой целины» М. Шолохова. Запуганный, укрывающий себя за опрометчивое решение встать рядом с Половцевым, ненавидевший его за то, что он вверг его в опасную жизнь, Яков Лукич Островнов уморил старушку-мать. Уморил методически, страшной голодной смертью, выполняя приказ Половцева (старушка разгласила тайну пребывания Половцева у Островновых). «Но на похоронах не было человека, который плакал бы так горько и безутешно, как Яков Лукич»²⁷, — пишет Шолохов.

Парадоксальная, но очень убедительная деталь. Яков Лукич плачет не из притворства и лицемерия, а плачет над всей своей долей, связавшей его с Половцевым, так резко изменявшей его обеспеченную, спокойную жизнь. Плачет «по поводу» смерти матери, но плачет не только о ней.

Так же не из одного только лицемерия родилась и неподдельная обида, и сожаление зазвучало в голосе Чупрова. Ему обидно за себя, за свою прежде уверенную, содержательную жизнь, ушедшую так незаметно в прошлое. Как это произошло, где была совершена ошибка, он не знает. Но он чувствует, что не туда зашел в своем «усердии». Здесь звучит общая неудовлетворенность, горечь его бессилия вернуть это хорошее. У него нет выхода, впереди тупик. И то, что Тендряков не боится показать в своем отрицательном герое эти благие порывы, «положительные» в нем, делает образ особенно полнокровным.

В. И. Ленин так писал о качествах, необходимых для подлинной, достоверной глубины отражения жизненных явлений:

«Всесторонняя, универсальная гибкость понятий, гибкость, доходящая до тождества противоположностей, — вот в чем суть. Эта гибкость, примененная субъективно, = эклектике и софистике. Гибкость, примененная объективно, т. е. отражающая всесторонность материального процесса и единство его, есть диалектика, есть правильное отражение вечного развития мира»²⁸.

Этой всесторонности изображения добивается В. Тендряков, который рисует своего героя, избегая одноцветности образа, «разматывая» психологический узел чупровщины.

Чупров падает все больше, водкой заглушает свою тоску и неудовлетворенность. Никодим запугивает его тетрадой, где записаны все растраты председателя. Чупров и сам осознает, что выхода нет, что запутался он окончательно, смер-

---

²⁷ М. Шолохов. Поднятая целина, кн. 2. «Октябрь», 1955, № 5, стр. 20.

²⁸ В. И. Ленин. Философские тетради. Госполитиздат, М., 1947, стр. 84.

тельно... Мы знаем, как часто рисовался финал отрицательного героя. На него подобно снежной лавине сваливались все смертные грехи.

В. Тендряков разоблачает враждебную нашей системе сущность беспринципного «ловкачества», торгашеских пережитков, «чупровщины» как общественного явления, но Чупров как человек может быть и неплох. И эти хорошие черты труженика Тендряков и показывает в конце своего очерка.

В одно светлое утро обходит он хозяйство колхоза. И ни к чему ему оно теперь. Он, так любивший говорить «мой колхоз», видит, что колхоз все-таки не «его», а общий, что он, Чупров, рухнет не сегодня-завтра, а колхоз останется, будет жить. Казалось бы, чего вникать ему в дела колхоза? Но привычка труженика берет верх: он дает дельные советы плотникам, с искренней мужицкой радостью смотрит на появившегося на свет племенного бычка.

Чупров никого не винит. Виноват он сам, его хватка дельца, стремящегося «урвать» побольше для «своего» колхоза, а по сути дела «для себя».

Судьба его — участь всякого деятеля, оторвавшегося от народа, забывшего, что делать что-то для народа можно только вместе с ним. Чупров снисходит к людям, не могущим оценить всей ловкости, всей изворотливости его, он «благотетельствовал» колхоз своим старанием. Но он забыл, что до народа нельзя опуститься, а можно только подняться.

Очерк Тендрякова «Ненастье» при всей тематической близости к произведениям В. Овечкина и А. Калинина — и там и здесь события разворачиваются вокруг вопросов о творческом и догматическом отношении к государственным планам — несет все черты своеобразной манеры В. Тендрякова-очеркиста, определившейся в «Падении Ивана Чупрова».

В произведениях некоторых очеркистов наблюдается отделение поднимаемых проблем от характеров. Лишь часть проблем обыкновенно опосредствована в переживаниях героев, остальные существуют побочно. В лучшем случае герой о них дискутирует с другими героями, они и ставятся, и... решаются в диалогах. Так, в талантливом произведении М. Жестева «Под одной крышей» (очерки из жизни одного отстающего колхоза) лишь ряд вопросов крепко связан с деятельностью, с переживаниями главного героя агронома Темлякова. Большинство же проблем возникает и благо разрешается при минимальной заинтересованности автора. Вот в колхоз прибыли шефы из Ленинграда, но их не смогли использовать по-настоящему. И появляется целая глава «Судебное дело», где один из героев информирует Темлякова о проблеме шефства и тут же намечает путь к ее решению.

Говорит он длинно и нудно, автор несколько раз, как в драматических ремарках, подчеркивает: «Чижев помолчал, потом продолжал»:

«А мы с вами, товарищ Темляков, даже не подумали, что надо вести массово-политическую работу не только среди колхозников, но и среди ленинградцев. Вот посетовать, что иные из них приехали помогать, а сами не знают, как грабли держать,— это мы умеем...»²⁹ и т. д. Темляков все это слушает, соглашается,— проблема шефства явно не затронула его. А как бы ослабло впечатление от «Районных будней», если бы споры Мартынова и Борзова были вот такими неэмоциональными, не захватывали бы их целиком! Такого же рода протоколизм встречается порой и у А. Калинина в повести «Лунные ночи». О волнующих, важных для области вопросах беседуют секретарь обкома Тарасов и секретарь одного из райкомов Еремин. Но как суха, как похожа на развернутую инструкцию эта беседа. «Вы правильно пишете: вместо того, чтобы взаимно подкреплять друг друга и быстрее развиваться, такие, например, отрасли, как полеводство и овощеводство, скорее заглушают одна другую...»³⁰ и т. д. Взгляды эти, несомненно, правильные, вопросы насущные, но высказывают их словно бы резонеры. Мы выслушиваем разные мнения, но не видим разных характеров.

Тендряков-очеркист находит иное соотношение между характером и поднимаемой проблемой. Борьба мнений у него никогда не заменит впечатляющей силы борьбы характеров, и писатель, выбрав вначале острую проблемную ситуацию, не бросает своего героя с решением этой проблемы.

Ведь частный хозяйственный вопрос — вопрос снабжения колхозов стройматериалами, который увидел в «Падении Ивана Чупрова» В. Дудинцев, собственно, решен уже к середине очерка. Вопрос решен. Но очерк живет, интерес к нему нарастает, герой совершает массу «необязательных» для решенной уже проблемы поступков и даже в день своего окончательного падения он от души радуется хозяйству колхоза. Зачем все это? Писатель, уловив интересный характер в рамках поднятой проблемы, проследживает его дальше. Это ведет к изменению сюжета, вовлечению в его орбиту целого ряда событий, уже и не имеющих внешне прямого отношения к первоначальному конфликту. И очерк в целом подчиняется иной художественной последовательности, последователь-

---

²⁹ М. Жестев. Под одной крышей (очерки из жизни одного отстающего колхоза). «Советский писатель», М., 1956, стр. 213.

³⁰ А. Калинин. Лунные ночи. Повесть. Цит. по сб. А. Калинина «Неумирающие корни». Гослитиздат, М., 1956, стр. 117.

ности создания образа. И затем, уже полностью узнав путь падения Чупрова, мы неожиданно осознаем, что в нашем сознании ярко вырисовывается иная, более крупная и серьезная проблема, чем вопрос о стройматериалах — проблема человека, оторвавшегося от народа.

В «Ненастье» тот же чупровский характер изображается в иной сфере, очерк как бы продолжает исследование, начатое в «Падении Ивана Чупрова».

Секретарь райкома Глухарев непоколебимо верил, что «первая заслуга человека — исполнительность»³¹. И еще одно понял он — не стоит самому решать все вопросы, достаточно выполнять то, что указывают, — сверху виднее»³². С этим весьма ограниченным «политическим багажом» Глухарев и предстает перед событием, требующим самостоятельного, творческого разрешения.

Автор как бы устраивает проверку этому внешне крепкому, бодрому человеку, набившему руку на составлении сводок, уверенно начинающему свои доклады фразой: «Пользуясь учением марксизма-ленинизма...»³³. Как же в действительности деятель типа Глухарева пользуется учением марксизма-ленинизма?

В районе уже вторую неделю идут дожди, сев, шедший вначале успешно, остановился. И вот по-прежнему ложатся на стол Глухарева сводки о ходе сева, «а цифры в них (самое главное для Глухарева) — замерзли»³⁴. И в дальнейшем весь ход мыслей Глухарева идет в том же направлении: «Надо сеять! Надо сдвинуть замерзшие цифры!..»³⁵.

Не конечную пользу дела видит Глухарев, а цифры! С ними живет он, им радуется, ими огорчается, перед ними трепещет... Но сеять нельзя. Об этом говорит Глухареву председатель колхоза Андрей Малютин: «Семена разбухнут в воде, когда подсохнет — окажутся не в земле, а на земле, сверху. Высохнут, не прорастут, не пустят корней...»³⁶. И сам Глухарев понимает, что сеять нельзя. Недаром он так якобы «переживает»: «Если б в его силах было выйти сейчас, крикнуть в небо: «Остановись!» Если бы знать волшебное слово, стоящее воду с земли... Жизнь отдал бы за такое слово!»³⁷. Таков намечаемый конфликт очерка.

Поведение Глухарева в каждом его шаге прослеживается

---

³¹ В. Тендряков. Среди лесов, стр. 268.

³² Там же.

³³ Там же, стр. 274.

³⁴ Там же, стр. 254.

³⁵ Там же, стр. 256.

³⁶ Там же, стр. 259.

³⁷ Там же, стр. 267.

психологически. Ведь Глухарев, понукая людей сеять в грязь, губить зерно и труд так же, как и Чупров, не просто идет на подлог со своей партийной совестью. Он искренен в своем порыве, он воинственно отстаивает свои позиции. Тому же Малютину, предлагающему областным организациям пересмотреть план сева, он возражает, присваивая себе право олицетворять государственную точку зрения: «Кто нам позволит путать государственные планы? Ты председатель колхоза. Твое дело выполнять по-готовому. Что получится, если каждый председатель начнет по-своему переворачивать план?»

По лицу Андрея Малютина было видно, что он хочет возразить, но Глухарев не давал опомниться, он бил и бил увесистыми фразами: «Не государственный подход... Против государственных планов... Против государства...»³⁸

Глухарев боится политической активности масс, он видит в ней угрозу собственному благополучию. И Глухарев «добросовестно» сдерживает народную инициативу «увесистыми фразами», выступая в роли защитника государственных интересов. И в этом смысле он родственен некоторым образам, созданным другими писателями.

«Инициативу проявляй, но только без,— он сделал жест,— экспериментов»³⁹,— так наставлял молодого партийного работника формалист и бюрократ из повести А. Калинина «Лунные ночи».

«Ларионов (секретарь райкома.— В. Ч.) любил, когда инициативу проявляют такие люди, как Денисов (председатель богатейшего колхоза.— В. Ч.), на которых можно положиться без риска»,— приоткрывает психологическую подоснову другого исполнителя Г. Бакланов в повести «В Снегирях»⁴⁰.

Будучи на словах за инициативу, эти деятели губят хорошие начинания оговорками «без риска, без экспериментов». Но по существу неумение руководить народной инициативой— это всего лишь страх за личный послужной список. И Глухарев, оставшись один, забывает все «увесистые фразы», которыми он громил председателей, и он смело рассуждает: «При такой бедственной весне плохой урожай осенью еще могут простить. По крайней мере он может твердо ответить: «Все, что только было возможно, мы сделали. Остальное зависело от природы». Но при плохом урожае... да не выполнить план сева— обязательно скажут: «На стихию

---

³⁸ В. Гендряков. Среди лесов, стр. 260.

³⁹ А. Калинин. Неумирающие корни. Гослитиздат, М., 1956, стр. 81.

⁴⁰ Г. Бакланов. В Снегирях. «Советский писатель», М., 1955, стр. 22.

вину сваливаете, а вы пробовали бороться за урожай? Сложки сидели!» Вот и весь приговор, пятно на партийной репутации...»⁴¹.

Вот где «сокрытый двигатель» всей глухаревской энергии, замаскированный фразами о государстве!

Глухарев настоял на своем. С лукошками, на лошадях ехали колхозники сеять. Со слезами на глазах бросают в разбухшую землю дорогое зерно старые хлеборобы. В мертвые цифры превратил Глухарев план. Свое неумение творчески, инициативно решить вопрос в конкретной, осложнившейся ситуации он трусливо спрятал за формальную, оскорбляющую людей «правильность».

Еще в 1913 году в одном из писем к И. Арманд В. И. Ленин высмеивал тех деятелей, которые, не поняв новых форм работы партии в условиях реакции, догматически держались старых форм.

В. И. Ленин о таких деятелях писал: «Комики! Гонятся за словом, не вдумываясь, как дьявольски сложна и хитра жизнь, дающая совсем новые формы, лишь частью «уцепленные» нами...». Развивая свою мысль дальше, Ленин оценивает таких деятелей: «...не умеют думать, а только заучивают слова. Заучили слово: «подполье». Твердо. Повторить могут. Наизусть знают. А как надо изменить его формы в новой обстановке, как для этого заново учиться и думать надо, этого мы не понимаем»⁴².

Глухарев также заучил слово «план», заучил твердо, наизусть. Может повторить его и повторяет много раз, не вдумываясь. Но он не видит, что для лучшего выполнения этого плана именно и следует учесть замечания, коррективы жизни, советы рядовых тружеников и что это не будет нарушением и искажением плана, а, наоборот, обогатит его. Именно к этому звал секретаря председатель Малютин. Но теоретически оказалось невозможным переубедить его. Глухарева убедили только реальные факты — пустые поля, где по его вине пропало и зерно, и труд людей. И люди разглядели окончательно лицо Глухарева, сорвали с него демагогическую маску поборника государственных интересов. «Про тебя, Нил Степанович, говорили, что ты исправился от своих ошибок зажимщика критики. Неправда!.. Ежели раньше говорил: «Молчать и не рассуждать», то нынче глушишь новыми словами, святыми словами, не стесняясь: «Против государства... против государственных планов... государственный преступник!..». Трудно возразить против такого, невольно оторопь возьмет...»⁴³ —

⁴¹ В. Тендряков. Среди лесов, стр. 268—296.

⁴² В. И. Ленин. Соч., т. 35, стр. 96.

⁴³ В. Тендряков. Среди лесов, стр. 282.

говорят ему колхозники. Но растет активность народа, и люди преодолевают страх перед этими понятиями, разглядывают, что порой скрывается за ними.

В очерке есть такая деталь. Когда Глухарев ехал в колхозы, чтобы уговорить людей сеять, грозой сбило старую березу. Упала она перед самой машиной. И вот уже после окончания бесславного сева, мимо пустых полей и упавшей березы едет он в обком. Грустно ему, предчувствует он отставку. Но Глухарев утешает себя тем, что если и рухнет его карьера, подмокнет репутация, то виной всему проклятые дожди, «ненастье»... Не будь их — все бы шло гладко, не покачнулся бы он...

Но вот машина снова проезжает мимо того же места, где весной сбило старую березу. И автор незаметно выносит приговор Глухареву. «Ее, видать, давно оттащили в сторону... Трухлявое дерево, не молния сбила его, нет, не стихия виновата. Была б крепка, спалило, сбило б верхушку, но выстояла бы. Серединка с гнильцой у этой березы. При первом несчастье свалилась...»⁴⁴. И это символическое обобщение конца и Чупрова, и Глухарева. Не от бури, не только от внешних испытаний рухнули они. Эти испытания лишь ускорили их падение. Главная же причина — «серединка с гнильцой» оказалась у этих руководителей. И люди «оттаскивают в сторону», лишают их доверия... Порой этот приговор народа опережает официальную отставку такого деятеля, как это происходит в очерке с одним из «соратников» Глухарева, председателем Ложечниковым. Но всегда этот приговор справедлив и окончателен. И как бы ни оправдывался Глухарев перед областным начальством, как бы ни сваливал он все на стихию, — не оправдаться ему перед народом, чьим советом он пренебрег, чьи чувства он оскорбил. Банкротство перед народом — самая страшная отставка. И в этом глубоко оптимистический итог очерка. Это не оптимизм «счастливых» концовок, которые можно только принять «к сведению». Это оптимизм жизнеутверждающих поисков конкретных путей и сил, способствующих подъему колхозной деревни.

В критике немало говорилось о разведывательной роли очерка в освоении нового жизненного материала. Гораздо реже затрагивался вопрос об очерке как разведчике новой художественной формы. Совсем недавно под сомнение ставилась даже сама правомочность постановки такого вопроса. М. Шагинян в одной из статей об очерке небезосновательно иронизирует над своим воображаемым оппонентом: «Неужели «низшая» проза может служить разведкой для «высшей» в

---

⁴⁴ В. Тендряков. Среди лесов, стр. 283.

области художественной формы?»⁴⁵. Да, может, ибо новый жизненный материал неизбежно разрушает мертвые схемы, обветшавшие традиции, штампы. Именно очерковая литература кропотливо, доказательно разрушила мнимограндиозные «эпопеи» украшательского направления, как и некоторые теоретические «обоснования» этих произведений. К сожалению, не исследована интереснейшая тема — влияние очерка на художественную ткань повести и романа.

В ходе анализа двух основных очерков В. Тендрякова мы указывали на некоторые приемы, нашедшие продолжение в его повестях.

Из очерков идет и главное, волнующее в новых произведениях В. Тендрякова: он весь в поисках, на «быстрине» жизни, во все он вносит свой пытливый исследовательский пафос.

---

⁴⁵ М. Шагинян. О советском очерке. «Известия» от 26 октября 1954 г.